

18+

ТРИ ЖИЗНИ ОДНОГО БОГА

АНТОН ВОЛОХОВ

Антон Волохов

Три жизни одного Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140884

ISBN 9785449824943

Аннотация

Боги создают планеты и проходят экзаменационные испытания перед комиссией. Задача комиссии – доказать Богу, что его планета не пригодна для жизни. Задача Бога, находящегося среди людей и проживающего обычную человеческую жизнь, доказать обратное. Но что, если Бог не будет знать о своём настоящем происхождении, в отличие от собственного окружения? Что, если вся его человеческая жизнь, полная интриг, любви и испытаний, всего лишь чья-то жестокая игра?

Содержание

Предусловие	5
«Творческий проект»	5
Глава первая	12
Часть первая. «Дарья Собственноперсонная»	13
Часть вторая. «Рыжие надежды»	26
Часть третья. «Последний шанс»	33
Часть четвертая. «Важное заседание»	42
Часть пятая. «Начало конца»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Три жизни одного Бога

Антон Волохов

© Антон Волохов, 2020

ISBN 978-5-4498-2494-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То, что находится внизу, аналогично тому, что находится сверху.

Изумрудная скрижаль мироустройства

Предусловие

«Творческий проект»

Вы когда-нибудь несли в собственных руках всю вашу жизнь?

А вот мне приходилось.

Целая коробка человеческих жизней. Уронишь такую и поломаешь миллиарды судеб в отдельно взятом мире. Рухнет цивилизация, сойдут материки, разольются реки и озера, моря и океаны, поднимутся гигантские цунами и все что когда-то было наполнено смыслом – исчезнет под огромной волной стихии.

А ты всего лишь споткнулся и потираешь ушибленную коленочку.

Правда потом придётся мир переделывать. И тестовый экзаме́н будет провален. Так что, лучше не спотыкаться. Не из-за вашей ипотеки, бизнеса или вожаделенной страсти по соседке Светке, а из-за лишней потери времени и сил в нашем пространстве.

Кто ещё не понял: мы создаём вас. Людей. И все, что вокруг вас. И ваших котиков, с собачками и прочими животными. Деревья, тучки, ветерок, звездочки на небосводе, мягкие места вашей подружки – всё тоже наше искусное произведе-

ние. Ну, или ошибка божественного скульптора – так бывает.

То, что для вас непостижимо и всеобъемлемо, для нас конструктор лего. Ну, или чуть посложней. Так что можете купить себе пару наборчиков и поиграть в Богов в вашем микромире.

А в нашем макромире, мы сдаем тесты. Своего рода экзаме́н. Сначала тебя обучают премудростям строения цивилизаций, а потом ты берешь Адама, его ребро и понеслась веселая, счастливая и незатейливая – создание шарика планеты и кого-нибудь на нём.

Двоичники лепят динозавриков, кто поумнее, строгаёт себе кучку более развитых существ и пытается все обустроить так, чтобы они не сожрали друг друга в первый же день. Там еще нужно выбрать историческую эпоху, опять же по мере сложности, от которой зависит, будут ли твои подопечные бегать друг за другом с дубиной и фиговым листиком на причинном месте или с лазерным бластером в космическом скафандре. Ну и соответственно, уровень тупости тоже меняется, так как пока одни мирно пожирают друг друга и здесь нужно только следить за тем, чтобы предел рождаемости немного превышал предел поедаемости, то другие уже всю запускают андронный коллайдер, с целью массового бегства с твоей никчемной планетки, куда-нибудь в межгалактические просторы вселенной.

Кто сдал – уходит в тайную комнату, что там происходит, никто не знает, но оттуда никто не возвращается. Туда его

уводит председатель комиссии. Такой мужичок с седой бородой и посохом, по-вашему. Шучу. Мы тут все выгядим практически одинаково. Вернее, мы вообще никак не выгядим. Выгядите только вы, а нам соревноваться антропометрическими пропорциями и размерами не приходится. Ну, скажем так, у нас есть отличительные особенности, выраженные в формах и цвете, так что гантелей, качков и блондинок с выпирающимися округлостями тут не водится, увы.

Хотя скучать нам тоже не приходится.

После создания модели микромира, который подлежит тесту, мы тащим его к председателю. Тот недоверчиво на тебя смотрит, пока ты дрожишь всеми душевными фибрами, держа своё детище, на двух вытянутых конечностях и создаст приёмную комиссию. Обычно их всего трое, но в процессе может и ещё кто добавится.

Комиссия выдумывает три теста, в ходе которых ты сам, поселяешься в своем производном и переживаешь человеческую жизнь. Или ходишь диплодоком и ждешь, когда тебя сожрет тиранозавр. Или сам жрешь диплодоков тиранозавром и ждешь, пока случайно упадешь в вулкан и сгоришь в гиене огненной.

Сама ирония в том, что в ходе самого теста, ты совсем не Бог. Ты натурально диплодок или Вася Коровкин – слесарь четвертого разряда в прачечной, что на углу.

Комиссия, в свою очередь, в курсе обратного и именно вокруг тебя плетутся всякого рода интриги, испытательные

хитросплетения и судьбоносные происки. И да, комиссия тоже будет бродить по твоему творению, а ещё они будут в курсе, что ты это ты, а они – это они.

И, как правило, они там нехило развлекаются.

В том числе и с тобой.

По-разному.

Могут устроить войну, а тебя назначат главным, например. И ты такой, бросаешь гаечный ключ, что на 12, которым только что унитаз чинил, прыгаешь на коня «Буцефала» и скачешь, развивая плащ супергероя по ветру в замок откровений, собирать войско.

А ещё могут бахнуть землетрясение, потом извержение вулкана и посмотреть, как у тебя волосы на спине плавятся.

В общем, они что угодно могут.

В перерывах между тестами, ты возвращаешься в свой макромир и внимательно слушаешь замечания присутствующих. Заодно узнаешь, кто кем был в твоём микромире, кто чью роль играл и, кто больше всех тебя ненавидел. А возможно и здесь ненавидит. Но отомстить ты им вряд ли сможешь, потому что при следующем запуске жизненного цикла, память вновь как отрежет. Возможно, их это даже несколько забавляет. А ещё, те, кто сидит в комиссии имеют внешность, в отличие от нас, крепостных подневольных. Поэтому мы называем их – иные.

Короче говоря, после того, как тебя три раза линчуют на созданном лично сокровище, ты выслушаешь вердикт су-

дей и отправишься заново переделывать свой проект или тебя направят в тайную комнату – такой расклад.

Вот такие правила божественной игры. Так что, если вы живете в мире, в котором творится какая-то дичь, возможно, ваш создатель хреново учился или у него попросту папа чиновник.

Ага, всюду блат и несправедливость, даже наверху.

Мы тут тоже сидим такие и думаем, что за дверьми тайной комнаты уж точно будет лучше.

Там-то личности поумнее сидят.

Наверное.

Ну да ладно, пока ты намыливаешь себе веревку и переосмысливаешь собственную жизнь в поисках табурета, осознав, сколько тебе и твоей душе ещё предстоит учиться, развиваться и мучаться, я, пожалуй, расскажу тебе о своем экзамене.

Сразу скажу, учился я хорошо. Так что, моим подопечным повезло, они уже не мамонты, а даже люди. Ходят на двух ногах и немного думают. И я немного волнуюсь, поскольку прямо передо мной из экзаменационного класса, только что вышел мой однокурсник с дымящейся планетой.

Там натурально кипела жизнь. Просто физически испарялась. Так кипела, что аж булькала как твои пельмешки на кухне. Комиссия чередой своих испытаний спалила его цивилизацию, да так, что термоядерная война заставила выкипеть все его океаны.

А ведь он учился чуть лучше, чем я...

– Ну что, что тебе попало, война? – спросил я его на выходе, бросив мельком взгляд на догорающий материк.

– Знаешь, – сказал он расстроено, – я никогда не думал, что любовь бывает настолько, просто запредельно, жестокой. Они использовали мои чувства и спалили всё дотла.

– Любовь?

– Любовь. Если вытянешь испытание любовью, я тебе не позавидую. Её еще никто не проходил. Желаю тебе удачи, Дориус.

– Спасибо, – озадаченно ответил я, сделал глубокий вдох и, держа планету под мышкой, зашел в экзаменационный кабинет.

– Тяните билет! – сказал мне председатель.

Здесь я был впервые и оглядел присутствующих.

Добрый и снисходительный взгляд председателя комиссии смотрел на меня разноцветными глазами. Один его глаз был просто зеленым, а второй наполовину лазурным. Про него я слышал, что он имеет решающее слово по итогам сессии. Он сидел по центру.

Справа от меня сидел некто Бирк. Холодные, колючие глаза. Взгляд его был тяжелый и обвиняющий. На правой кисти небольшой шрам в виде треугольника.

Слева сидела Мика. Теплые оранжевые глаза, которые всегда улыбались. Хорошая душа. Милые ямочки на щеках и острые ушки.

Рядом со мной зависал Пект. Высокий и грузный, с равнодушными глазами, широким лбом и длинным носом.

Пект забрал у меня модель мира и поставил перед председателем на подставку, после чего жестом пригласил взять билет.

Я подошёл к краю стола и взял первый попавшийся.

– прочитал я. «*Ответственность*»

– Что ж, давно у нас не попадалось ответственности. В какой-то степени вам повезло, что ваша первая жизнь, пройдет под такой эгидой, – произнес председатель и обратился к комиссии, – Каким будет его пол?

– Пусть будет женский, – улыбнулась Мика.

– Пфф, женщина и ответственность, – усмехнулся Бирк.

– Тем будет интереснее, – многозначительно сказал Пект и поднял брови.

– Начинаем, – скомандовал председатель и я, даже не успев что-то осмыслить, почувствовал, как мои глаза застилает белая пелена...

Глава первая

Часть первая. «Дарья Собственноперсонная»

«Дррррррынь!»

Мерзкий будильник....

«Дррынь-дррынь!»

Гадкий, холодный, противный...

«Дррынь – дрынь – дрынь!»

Ненавижу...

Как можно быть счастливой, если каждое утро тебя будит вот это бестактное исчадие ада?!

– Да заткнись ты! – крикнула я и бахнула со всего маха рукой по кнопке отключения.

«Дрр...» – затаился он и обидчиво затикал секундной стрелкой.

Ну что, Дарья, какие планы на сегодня?

Массаж, теплая ванна, поездка на лошадях по бескрайним полям и озерам с прекрасным, сказочным принцем?

– Даша! – послышалось из другой комнаты.

Мои глаза встревоженно открылись.

– Дааашааа! – послышался протяжный детский голосок, переходящий в плач.

Надо покрасить потолок в зеленый цвет, должно же меня хоть что-то расслаблять по утрам, когда я открываю глаза

в этом доме, если принцев и теплых ванн мне не предвидится лет так до гроба.

– Даааашаааа!

– Ну что?! Иду я, иду!

Вскочив с такой нежной, прекрасной и вожденной кровати, какая может быть только в раннее утро, я увидела кусок мохнатой рыжей шерсти по кличке Ньют прямо перед собой. Тот мирно сопел и шевелил усами, пока в него не прилетел тапок справедливости. Рыжий котик, лениво подняв помятую морду приоткрыл один разноцветный зелено-голубой глаз, презрительно стрельнул им в мою сторону, хрюкнул носопырккой и перевернувшись на другой бок, недовольно помахивал хвостом.

Чуть-чуть стало легче от того, что кому-то чуть-чуть стало тяжелей, прямо закон притяжения в действии.

– Привет тебе от Ньютона, – улыбнулась я коту, пока тот демонстративно наяривал хвостом, – Скажи спасибо, что не яблоком.

Из комнаты послышался плач.

– Бегу! – крикнула я и поскакала в одном тапке к Мишке. Тот пускал сопливые пузыри и тер, красные от слез глаза.

– Что такое, кушать хотим? Кушать хотим, мой маленький братец! А кто будет кашку кушать?

Взяв Мишку на руки, я понесла его на кухню и, на выходе в коридор, чуть не упала от стремглав опережающего меня кота, решившего протаранить меня свой холеной мордой.

Ловко метнув ногой последний тапок, я, в отместку, подбила его на повороте, но он, стукнувшись хвостом об плинтус, не теряя скорости и темпа, продолжил низколетающий заход на пищевую глассаду к миске, как ни в чём не бывало.

Мишка засмеялся.

Ньют зашипел на тапок.

А я поставила чайник и принялась делать кашу для брата.

Мы живем втроём. Я, Дарья Собственноперсонная, мой младший брат Мишка – мелкий, сопливый оболтус и наша мама.

Мама болеет, последние роды прошли очень тяжело. Ей тяжело ходить, и она практически не встаёт с кровати уже третий год. Я пишу диплом в медицинской академии и планирую посвятить жизнь науке. Но скорее всего, посвящу её уходу за своей мамой и воспитанию прыткого брата, которого очень люблю.

Миша, живое воспоминание о моем отце. Он очень на него похож, как внешне, так и внутренне: бойкий, с характером, всегда добивающейся своего. В данный момент, он стучит по столу ложкой и добивается своей каши.

Самые теплые минуты в моей памяти – это живые и здоровые родители. Вот папа пришёл со службы домой, снял свой офицерский китель, подмигнул мне и сел кушать приготовленный мамой борщ. Вот рыжий кот Ньют, которого я притащила с помойки, ещё будучи маленькой девочкой, любезно оставленный в доме моими родителями, нагло крадет кусок

мяса пышной, когтистой лапой, прямо из тарелки с борщом у моего отца. А вот стоит мама в переднике и смеется, пока папа бежит и ругается за удирающим котом, в зубах которого дымится кусок вареной говядины...

А вот папа подходит к маме и ласково гладит её животик, в котором уже постукивает своей ножкой Мишка... И летнее солнце пронзает кружевную тюль, висящую на окне и причудливыми теньевыми узорами, играет на лицах любящих друг друга родителей, которые прижавшись к друг другу лбами, доверчиво смотрят в зеркало души собственной половины, ища там свое отражение.

У меня было всё это. Пока не случилась война. И отец, плохо скрывая мокрые от боли расставания глаза, сделал прощальные поцелуи для всего семейства, ушел навсегда, оставив после себя только легкий табачный запах на балконе и десяток скуренных сигарет.

Миша, не видел счастливых родителей. Миша вообще не видел счастья. Счастье там, где есть любовь. А любовь страдает в одиночестве и болезнях. Боль не даст человеку быть счастливым. И я обязана эту боль унять. Боль матери и боль брата.

Я должна им помочь, во что бы то ни стало...

Мой дипломный проект посвящен вирусологии. Если организм человека – это его Родина, то вирус – вражеский резидент. Этаким наглый внутриклеточный Джеймс Бонд, который проникая во всё внутренние, поселяет там страх, ужас

и тиранию, а после, шаг за шагом, подчиняет собственной идеологии весь организм и забирает все тело по цепной реакции.

Деспот, хам, волюнтарист и просто хороший, веселый парень, этот самый вирус.

Променив семь светлых лет кипящей молодости, на морщины вокруг глаз и, если повезет, диплом медицинской академии, я почти разуверилась в принцах, девичьем счастье и общей вере в человечество. Осталось верить только в вирусы, бактерии и подорожник.

Собираясь в академию, я тихонько прокралась к маме в спальню. Она уже проснулась, но лежала с открытыми глазами, безмятежно смотрящими куда-то в потолок.

– Я пошла, – прошептала я. – Мишка играет у себя, каши много слопал. Водичка у него есть. Полежи ещё.

– Буду пытаться встать, – прошептала мама, улыбнулась и протянула руки для объятий.

Ей было очень тяжело. С каждым днем болезнь прогрессировала, и вставать становилось всё сложнее. Что это за болезнь, медицина ответить не смогла. Диагноза нет. Я не стала дожидаться резкого подъема в науке, и пошла в заведение с чашей и змеей сама, чтобы добиться всех ответов без посредников и вылечить маму.

Учусь я хорошо. Вроде как даже диплом цвета непосильной ярости обещают. На этом, все хорошие новости в области остросоциальной жизни у меня закончились. Ничего

другого, за пределами входной двери моего дома у меня нет.

Вот эти все друзья, личная жизнь и признание в коллективе по принципу «пирамиды Маслоу», в моей жизни, напроць отсутствуют.

Я попрощалась с мамой, слегка потыкала ногой в мягкий живот мурчащего котика и открыла дверь в холодный, мрачный и жестокий мир.

Взгляд в пол. Наушники в уши. Три витка шерстяного шарфа вокруг шеи и вперед к автобусной остановке. От моего подъезда, до остановки ровно 247 шагов. Три поворота и два столба. Потом зебра, дохлый воробей у мусорки, разбитая бутылка пива и вот я стою под козырьком остановки, вцепившись в рюкзак и разглядывая грязные ботинки впереди стоящего мужчины, внешность которого я описывать не буду, потому как, выше пояса мой взгляд не поднимается. Могу только сказать, что он курил и кашлял.

Да я социопат. И по прибытию автобуса, я ищу в нём угол, забившись в который, я смогу хоть на минуту поднять глаза. А то так можно и свою остановку проехать, что, впрочем, не раз со мной и случалось, когда не находилось подходящего угла.

Надо ли говорить, что надо мной посмеиваются?

Надо ли добавить, что в академии меня травят?

Надо ли сообщить, что я не умею нормально разговаривать с людьми или вообще хоть как-то адекватно реагировать?

Будем считать, что я вас предупредила, ибо далее по тексту, только боль и унижение.

Зайдя в аудиторию и едва только переступив порог, мне на голову упали красные, кружевные труселя и, естественно, я тут же слышу заранее приготовленный вопрос:

– Рыжая, ты вчера бикини у Сапога забыла?!

Потом всеобщий хохот. Сегодня у нас общий поток в большой аудитории. Сапогов блестящий педагог, академик, он помогает мне писать диплом. Страхнув с головы эту похотливую мерзость, я предприняла попытку отыскать свободное место в хаосе насмехания и, о чудо, таковое нашлось прямо на первой парте, да ещё и в углу.

Слава Богу, мне не придется подниматься вверх посреди этого стада, подумала я и услышала новый приступ хохота, как только села на скамью.

Ага – это был мел. Ловушка для рыжей. Подловили, да. А я-то думала, что приматы более двух шагов просчитать не могут, видимо эволюционируют. Как-никак седьмой год в академии, здоровые лбы сидят.

Ну да ладно. Хорошо хоть не жвачка или масло. Если сравнивать с тем, что было раньше – это я легко отделалась. Да и люди всё же взрослеют, половина студентов сидели с безразличным лицом и всеобщее ликование по поводу моей вымазанной в меле пятой точки быстро прекратилось.

Потом мне ещё прилетело пару бумажек в затылок, и зашел Сапогов.

А далее все кинулись к нему за консультациями – шла последняя преддипломная неделя.

Но, Сергей Николаевич всех остановил и позвал первой меня. Тема у меня сложная, на неё нужны силы и время. По сути, то над чем я работаю – это новая разработка в области медицины. О ней я расскажу чуть позже.

Не успела я встать, как услышала шипящий и гнусавый голосок за спиной:

– Рыжая, бесстыжая...

Это был Барков и его едкая желчь, неизменные спутники друг друга, просто симбиоз.

Барков знает меня еще со школы, и он моё личное, персональное проклятие. Он вообще, как будто преследует меня всю жизнь. Учились в одном классе, теперь ещё и в академии вместе каким-то непостижимым образом. Насколько он мерзок, настолько и зол. Травит меня с завидной регулярностью. Не упускает ни единого момента. По-моему, всем уже надоело надо мной издеваться или просто стало скучно, кроме него. Этот не устаёт. Так и ходит тенью за мной попятам. Почти уверена, что свежий номер с трусами и мелом – его проделка.

В прошлом году нас поставили вместе проводить парный химический опыт. Либо поставили, либо он сам поставился – тут уж не знаю, но знаю точно, что он не мог себе позволить упустить момента и пройти мимо меня. И, так уж случилось, что я пролила кислоту ему на руку во время опыта.

Абсолютно случайно. Теперь на руке у него зияет шрам похожий на треугольник, а я получаю все новые порции ненависти в свой адрес каждодневно.

Итак, Сапогов дежурно усмирил Баркова грозным замечанием, и мы сели разбирать мой проект.

Надо сказать – это не совсем проект. Быть может это даже диссертация. Кто-то называет мое творение научным прорывом, но в целом, для его осуществления нужны труды многих людей, если не целого института, при поддержке генерального спонсора, с казной государства, у которого в карманах есть много нефти.

Суть в том, что я создаю вирус. Если в двух словах – позитивный вирус. Не тот, который будет дарить вашей душе много теплоты и гармонии, принося покой вашему эмоциональному кредо, а тот, что нацелен на борьбу с заболеваниями в любом виде и при любой стадии. Это искусственный иммунитет, который вживляется человеку старым способом, в виде прививки и развивается в организме, купируя все возможные болезни и нарушения. Он интеллектуален и может передавать сигналы о стабильности организма или происходящих с ним изменениях. Сигналы эти поступают в ваш личный телефончик, в специальное программное обеспечение, без смс и регистрации.

И теперь проснувшись поутру, вы узнаете, что только что переболели простудой или за прошедшую ночь вами, был героически побежден рак.

Здорово я придумала, правда?

Но, конечно, не все так просто, как могло казаться. Все это хорошо лишь в теории. Базовый вирус, состоит из приемника нейросигналов, диагностику проводит искусственный интеллект внешнего устройства, а саморегуляция состоит из специальных возбудителей, входящих в формулу вируса.

Стало быть, в осуществлении подобного проекта необходимо задействовать огромное количество специалистов, от биоинженеров и программистов, до дизайнеров и художников.

Так или иначе, через пару недель я уже стояла вся наряженная и даже накрашенная у проекторного экрана, доказывая обществу в виде студентов и экзаменаторов, что мы все можем жить лучше и даже чуточку веселей, если приложим совместные усилия.

Пока Барков, сознательно пересевший на первые ряды к моему выходу, скрипел зубами и испепелял меня лучами ненависти, а представители комиссии в лице декана, директора и преподавателей всеми силами старались изображать заинтересованность к небывалому порыву энтузиазма и оптимизма в моем лице по представленной теме, я трепетала и буйствовала.

Я рассказывала научную часть, важность подобной разработки, теоретические прорывы в этой области, общие социальные успехи на фоне прогресса медицины, чего я толь-

ко не говорила и не показывала, но массовость стала просыпаться ближе к списку литературы на последней странице дипломного проекта.

– Всё это, конечно, очень интересно и познавательно, но труднодостижимо. Очередная утопия и фантазерство. Подобные проекты необходимы только исследователям, а не реальным учёным и разработчикам. Но, нужно отдать должное вашему наставнику – Сапогову, вы провели очень глубокую и объёмную работу. Мы поставим вам отлично, но учтите, что ваш проект не является научным, – сказал мне декан, на фоне счастливой гримасы презрения и ликования Саши Баркова.

Я подняла свою челюсть с пола и поехала домой, наливаясь пунцом от внутренней ярости и негодования, цветом становясь похожей на свой красный диплом. Проскочив незаметно серой мышкой мимо комнат мамы и брата, я пронырнула в кладовку:

– Пылится здесь, – приказала я красной корочке позора и, бросив документ о собственной состоятельности, гордо пошла, заниматься чисто женскими делами – беззвучно рыдать в подушку лежа на кровати.

Меня не любят, меня не ценят, я никому не нужна и прочий бабский хоровод мыслительных тараканов. Я не раз это пережила и ещё сто раз переживу, просто женщине надо поплакать, отстаньте от неё и принесите шоколадку.

Когда отпустило, я пошла на кухню. Там уже всю шёл

подготовительный процесс пожирания и кормления: Мишка стучал ложкой, а мама готовила кашу.

– Ты дома?! – радостно воскликнула мама.

Мишка вылупил глаза.

– Угу.

– Сдала?!

– Ага.

– Моя ты умница! – мама сердечно обняла меня и затряслась.

Когда она волнуется или напрягается, хоть умственно, хоть физически, она сильно трясется. Это все последствия болезни и никаких лекарств на эти симптомы не существует.

– Полежи, отдохни, я покормлю его, – сказала я.

– Нет, я сама, – ответила мама.

Она всегда смущалась, когда её трясло. Ей было неприятно. Внутренне она не смогла смириться с тем, что её поразила болезнь. Она не хотела чувствовать себя неполноценной. Да и никто бы не хотел. Иногда она просто падала от бессилия, пытаясь заниматься домашними делами. Она боец и я горжусь ей.

Мишка лопал кашу, я мыла посуду и вдруг увидела, как ложка у Миши неожиданно выпала из рук. Как-то непроизвольно это произошло.

Я нахмурилась, подняла её и снова дала ему. Мама с тревогой смотрела на моё напряженное лицо.

– Ты чего? – спросила она, – помыть же надо.

– Подожди, – ответила я. – Миша – ешь.

Миша облизнулся, взял ложку и... затрясся...

Часть вторая. «Рыжие надежды»

Утром я рылась в кладовке в поисках документа из мест добровольного лишения свободы сроком на семь лет.

Достав диплом, я сунула его в пакет, туда же запихала все свои грамоты, награды, благодарности и прочую макулатуру жизненного самоутверждения.

Нет, мне плевать. Я добьюсь своего. Вчера я увидела то, что обязывает меня, стучать в двери медицинского научно-исследовательского института прямой ногой. Возможно даже с разбегу.

Оставив шарф и наушники дома, я впервые в жизни взяла такси, громким и четким голосом сказала водителю адрес института и поехала устраиваться на работу.

И пусть только попробуют сказать мне, что мест нет, значит, кому-то суждено подвинуться.

А ещё пусть мне что-либо скажут на тему моей профнепригодности, я там любого академика разнесу в пух и прах.

Я крыса, загнанная в угол и за своих родных, я буду драться.

Через час я уже писала анкету и отчаянно просила о личном разговоре с директором института.

– Он сейчас занят, – ответили мне недоуменно.

– Я подожду, – ответила я с выражением.

Девочка из отдела кадров сделала глаза и ушла, цокая каб-

дуками, как лошадь копытом по стеклу.

Я зла и агрессивна. Но мне нужна эта работа, все ваши со-трудники и куча денег ради своей идеи. Всего на всего. Весь мир и что-нибудь покушать. Я сделаю этот вирус, сделаю его и вылечу маму с братом.

За прозрачным стеклом появилась фигура.

Я напряглась.

– Вы хотели меня видеть? – спросил меня высокий брюнет средних лет.

– Да, – ответила я бойко.

– По какому поводу?

– У меня есть предложение для вашего института в виде важной и перспективной разработки.

Брюнет представился:

– Дмитрий Николаевич, директор института.

– Дарья Сергеевна, – кивнула я своей рыжей копной в от-вет.

– Я вас слушаю, Дарья, – директор присел за стол, сложил руки, и чуть склонив голову, включил радары проникающей способности.

Я слегка покашляла.

Потом полезла в пакет и кинула стопку бумаг на стол.

– Здесь мой диплом.

– Так.

– В нём я рассказываю, как создать вирусный геном, спо-собный управлять человеческим иммунитетом, для постоян-

ной саморегуляции и восстановления организма.

– Ага. А от меня вы что хотите?

– Хочу подключить все ваши ресурсы для создания этого проекта.

– Но никаких ресурсов, кроме человеческих, у меня нет, – развел руками директор.

– Вот они-то и понадобятся.

– Кто? Человеки?

– Да.

– Все?

– Все. Ещё и мало будет.

– Что ещё?

– Финансовая государственная поддержка, огромный денежный грант.

– Угу. Много?

– Очень. Вам придется попотеть.

– Мне?

– Да.

– Ясно. Что-то ещё?

– Да. Мне должность ведущего биоинженера проекта.

– Свой кабинет освободить?

– Мне он не нужен. Пока не нужен.

– Но может пригодиться?

– Может.

– Так, значит должность, деньги...

– Много денег.

– Много денег и много людей.

– Да.

– Хорошо. Ответьте мне только на один вопрос.

– Слушаю.

– А для чего всё это?

– Я же сказала, для создания генома, который будет регулировать в организме...

– Нет, нет, нет, погодите, вы не поняли, для чего это нужно в мире?

Директор выразительно посмотрел на меня, пытаюсь найти в моей голове остатки адекватности, но я была отчаянна и непоколебима.

– Чтобы все люди жили здоровыми и счастливыми, разве это не очевидно?

Дмитрий пододвинулся ко мне поближе и размеренно произнес:

– А сейчас Дарья, мне придется разбить все ваши альтруистические попытки сделать этот мир лучше. Я ни в коем разе не сомневаюсь в вашей компетентности и здравомыслии, хотя поначалу мне и хотелось вызвать неотложку в желтый дом. Но я уверен, что как только я открою вон те бумажки, что так лихо вы кинули на стол переговоров, там я не увижу ничего, кроме сухих расчетов и формул. Да, вы корифей науки. Самородок. Талантище. Красный диплом и огоньки в глазах. И возможно, я приглашу вас к нам на работу, хотя мы уже взяли одного молодого человека с вашего институ-

та, кстати, он тоже выпускник и я уже успел пожалеть, что вообще связался с ним. Но вы не будете здесь заниматься своим уникальным проектом. Вместо этого, вы будете синтезировать новые лекарственные препараты от боли в горле и соплей, не ваших розовых, а настоящих, человеческих, зеленых. А там снизу, маркетологи придумают вашему лекарству звонкое название, вирусную рекламу и яркую упаковку, для того чтобы дяди, которые финансируют наш институт, смогли заработать себе на новый особняк и спортивную машину. Здесь никто не занимается исследованием в области лечения рака или СПИДа, потому что это коммерчески не выгодно. Мертвые, не зарабатывают деньги, в реальном мире, лечат только живых и дееспособных.

Мне вновь захотелось рыдать.

– Так что же, у меня нет никаких шансов? – спросила я сдавленным от кома в горле голосом.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Воцарилась тишина истины. Я медленно собрала со стола свои документы и небрежно кинула их в пакет. Вместе с ними туда улетели розовые очки моей юности, мечты о справедливости, равноправии и былой максимализм. Ещё вчера мне давали диплом и пророчили великую карьеру, подогревая весь выпускной карнавал самоутверждения, словами о новом жизненном этапе взросления и реализации, а сегодня я собираю осколки разбившихся надежд, кладу их в совок иллюзий и вытряхиваю в мусорную корзину серой дей-

ствительности, на дне которой уже покоится счастье.

Ещё жить не начала, а уже устала.

Я подошла к двери и, развернувшись в пол-оборота, спросила Дмитрия:

– А если завтра, тяжело заболели бы и ваши близкие люди, вы тоже предложите им только капли в нос?

Дмитрий ничего мне не ответил. Только глаза в пол-тупил. Я медленно шла по коридору в полном моральном опустошении. Дома меня ждет больная мама, которой хуже день ото дня и болевающий брат. Я теряю свою семью. Я потеряла отца и с уходом крепких мужских плеч, на котором держался весь наш дом, смотрю, как трещит по швам родовой фундамент.

– Дарья... – услышала я нерешительный голос Дмитрия позади.

Он как-то неуверенно сделал пару шагов ко мне и сказал:

– Оставьте мне ваш проект. Я изучу его и подумаю над всем этим. Извините, что был так резок с вами. И да, если вы всё еще хотите у нас работать, я подыщу вам местечко. Приходите, в понедельник.

Я оставила пакет у него под ногами, и ничего не ответив, вышла на свежий воздух, чувствуя его задумчивый взгляд на своём затылке.

Пройдя пару сотен метров от лаборатории, я села на лавочку и уставилась на трех воробьёв, которые по очереди дербанили кусок хлеба. Он был слишком большой для них,

птички смешно хватали его, поднимая клювом, и трясли над головой до тех пор, пока не отщипнётся кусок поменьше, который они смогли бы проглотить. А дальше прилетела ворона, громко каркнула, схватила весь кусок хлеба целиком и, сев на ветку, принялась трапезничать, придерживая еду когтистой лапой.

Этой ночью я плохо спала. Ньют терся об мои ноги и громко мурчал, тщетно пытаясь меня утешить. Мама постанывала в соседней комнате, всякий раз просыпаясь и выпивая обезболивающее лекарство.

Свет то загорался, то гаснул снова, то загорался, то гаснул снова...

– Если в этой жизни есть Бог. То я хочу, чтобы он знал. Я тебя презираю. И буду презирать, пока у меня не появится надежда, пока ты не услышишь меня, – сказала я вслух четырем стенам.

Ньют перестал мурчать и перепрыгнул с кровати на компьютерный стул, стоявший напротив меня. Деловито усевшись четырьмя лапами и обняв себя любимого собственным хвостом, он осуждающе уставился на меня своими пронзительными разноцветными глазами.

– Чтоб ты понимал, рыжая твоя морда, – сказала я шёпотом.

Вместо ответа он пошевелил усами, смирил меня взглядом и, спрыгнув со стола, ушёл, гордо подняв свой пушистый хвост.

Часть третья. «Последний шанс»

Утром я проснулась от ощутимой тяжести в груди. Нет, это была не душевная боль от недавних потрясений, а что-то различимо физическое. Я попыталась продрать глаза, но мне противостояла мутная плёнка в виде засохших вчерашних слез, неохотно растворяющаяся после череды усиленных морганий и ручных протирааний. Через некоторое время я всё же смогла разглядеть тёмный силуэт, восседавший на мне верхом и смотрящий в упор.

Прежде чем я хотела закричать «чур, меня, чур!», полагая, что мягкий комочек, восседающий на моих чреслах это не иначе как домовой, я успела разглядеть теплые улыбочивые оранжевые глазки и острые ушки любимого брата Мишки.

– Что-то заспалась ты, – послышался голос мамы, сидевший рядом.

Я посмотрела на часы – полдень. Враг-будильник сдал свои полномочия и проиграл войну с целью моей личной сонной деформации, в связи с моей временной нетрудоспособностью, по причине жизненного распутья.

– Миша кушал? – спросила я маму, пока тот играл с моей заколкой в волосах.

– Давно уже.

– Извини, мам. Я что-то совсем расслабилась.

– Ничего, ничего. Умывайся и кушай, обед на столе, ещё

не остыл.

Я слезла с кровати и поймала на себе снисходительный взгляд Ньюта, восседавший на кресле, как на царском троне. Рыжая скотина улыбалась собственной непревзойдённости.

– Ньют поел, – добавила мама, пока мы с котиком буравили друг друга соревновательными взглядами за звание в номинации лучшей квартирной рыжести.

Он снова легко победил и ушёл довольный.

– Мне никто не звонил? – спросила я, осторожно надевая тапки на ноги, пытаясь тактильно прощупать рыжие следы органической мести.

– Звонили из лаборатории, спрашивали, когда ты принесешь документы для работы. Почему ты не сказала, что тебя приняли? Это же так здорово!

Мама улыбалась. Я не стала её расстраивать, пересказывая свой неудачный поход в поисках научно-медицинских открытий.

– Надо к ним зайти, – сказала я тихо, конечно, никуда не собираясь.

– Покушаешь и ступай, – я посижу с Мишей, не беспокойся.

Пришлось собираться и куда-то идти. Туда где тебя никто не любит, где ты никому не нужна и где никто и никогда тебе не поможет – в обычную серую, человеческую, социальную среду. Я пошла убивать пару часов собственной жизни в парк неподалеку, зайдя по пути в магазин, купить

мармеладок. В парке есть речка и пруд. У речки есть камушек, спустившись к которому по отрывистому берегу, можно уединиться, сев подле него и предстать Аленушкой, словно на картине известного художника, ожидая чуда у болотца.

Мармеладки вкусные. Речка тихая и спокойная. А я все тоже рыжее, затравленное существо.

Просидев там какое-то время, я побрела домой, выдумывая на ходу причину, из-за которой мне могли отказать в ходе собеседования, такую чтобы сильно не расстраивать маму.

Я не хочу там работать без надежды. Я должна сделать в своей жизни что-то большее, чем пенициллин. А директор заведения дал ясно мне понять, что на большее рассчитывать не придется.

За входной дверью я услышала голоса, один из которых был явно мужским. Каково было моё удивление, когда, зайдя в дом, я увидела на собственной кухне восседавшего Дмитрия, директора научно-исследовательской лаборатории и какую-то незнакомую мне девушку, пьющих чай с баранками вместе с моей мамой.

– А вот и наша красавица, – сказала мама и вышла ко мне. – А у нас гости.

– Я вижу, – процедила я сквозь зубы, не сводя глаз с Дмитрия расплывшегося в доброжелательной улыбке.

В мой дом?! В мой храм?! В мой спасительный уголок социопата, пришло вот это, что несколько дней назад похоронило меня под табличкой: «забудь, взрослей и приходи сно-

ва»?!)

Ну, наглость!

– Раздевайся, проходи, чего ты встала-то? – суетливо зашептала мама в коридоре, пока я застыла как паралитик у входной двери, словно британский гвардеец у королевских покоев, вцепившись в сумку с остатком мармеладок.

Я села за стол и вопросительно уставилась на Дмитрия.

– Познакомьтесь, Дарья – это Елена. Елена сотрудник нашей лаборатории и по совместительству представитель фармацевтической компании. И вообще очень хороший человек.

– Здравствуйте, – кинула я Елене, пока ты мило улыбалась ямочками на щеках.

Хорошенькая такая, фигурная, миниатюрная, зеленоглазая блондиночка. Таким фармацевтам как она, достаточно только прийти и что-то предложить типичному мужскому представителю породы «кобель» заискивающим голоском, и ей сразу будут оказаны все необходимые почести и постелены красные ковровые дорожки во все кабинеты. Возникнет спонтанный праздник дня открытых дверей и выстроится очередь из похотливцев, что будут подобострастно заглядывать ей в рот каждым словом и услужливо расходиться в неуклюжих реверансах. Все наперебой начнут нервно заикаться, рассказывая о собственной важности и высокопоставленной значимости, показывать денежную независимость и усиленно втягивать пивные животы, перемешавшая

недоваренную баранью ногу с жульёном в собственном желудке, путём мышечного напряжения остатков хилого преса, ради минутного внимания вожделенной царской особы.

Кому-то достаются красивые витиеватые округлости внутри черепной коробчѐнки, а кому-то снаружи и, если повезет, ещё две округлости под ней, степень прикрытости которых, варьируется от важности собеседника. Выигрывает всегда-то, что видно невооруженным и похотливым глазом – се ля ви.

– Что вам нужно, Дмитрий? – спросила я.

– Ну, во-первых, я хочу извиниться за вторжение и отдать ваш замечательный проект. Во-вторых, предложить вам сотрудничество, раз вы не хотите работать с нами напрямую.

Мама напряглась. Дмитрий бил не в бровь, а в глаз.

– Не хочу тратить своё время на зеленку и лейкопластырь, – съязвила я.

– И не будете, – ответил Дмитрий крайне серьезно, – Ваш проект – гениален. И нужно пробовать всеми силами его осуществить. Теперь я понимаю вашу твердость и настойчивость на собеседовании.

– Мы пришли помочь вам, – добавила Елена.

Мама сложила ладошки на лице, с трудом сдерживая слезы.

– Да, а с чего это вдруг? – спросила я недоуменно. – Вы твердо обозначили позицию вашего руководства, относительно всех изобретений и новых методов лечения, что вдруг

так резко могло измениться в этом мире за неделю?

– Ни-че-го, – ответил Дмитрий. – Совсем ничего не изменилось. Кроме того, что у вас появилось плюс два игрока, на сумасшедших позициях, в борьбе за научный прогресс, сквозь оборонительные редуты маркетинга и капитализма.

Елена вдруг начала громко кашлять. Глаза её наполнились слезами, она судорожно схватила платок и поднесла ко рту. Дмитрий быстро достал какие-то таблетки и спрей, протянул стакан воды, а я заметила кровь на платке.

– Извините, – стыдливо сказала Елена, – Дим, мне нужно выйти на улицу, – тихо добавила она.

– Хорошо, – ответил Дмитрий.

Тут я стала что-то подозревать...

– Мам, посидишь немного с Мишей? Я провожу, – сказала я растерянной маме.

Мы вышли из дома. Елене стало плохо, Дмитрий вёл её под руки. Спустившись вниз по лестничной клетке, он вызвал такси.

– Может скорую? – спросила я у них осторожно, пытаюсь выявить симптом.

Дмитрий обернулся и ничего не ответил.

Елена сказала:

– Останься, поговори с ней. Я доеду сама.

– Ты уверена?

– Да...

Подъехало такси. Дмитрий аккуратно посадил Елену и,

что-то сказав водителю, закрыл дверь. Сунув руки в карманы пиджака, он задумчиво подошёл ко мне.

– Пройдемся? – предложил он.

– Да, – согласилась я.

– Здесь есть тихое место?

– Парк, – предложила я своё последнее антисоциальное убежище.

– Подойдет, – ответил он.

Мне было неудобно. Мы шли молча. Я сбавила тон, понимая, что стала невольным свидетелем человеческой драмы и, в этот раз, не я в ней главный фигурант.

Как-то даже не привычно...

Мы пришли в парк, прошли ларек с шаурмой и сели на лавочку. Вечерело. Дмитрий начал первым:

– Я буду честен с вами.

– Вы ничего мне не должны... – начала я, но он перебил:

– Позвольте мне открыться и немного послушайте. Признаться, я был очень удивлён, когда вы пришли ко мне и настойчиво потребовали, именно потребовали ресурсы института для решения каких-то своих проблем. Не скрою, меня возмутило это. Поначалу. Но потом я понял, что эти требования связаны с чем-то иным, кроме юной потребности в самореализации. Ваши глаза горели как дуговая сварка. И в конце нашей аудиенции, вы действительно в сердцах признались, что у вас есть проблема. Большая проблема. И видимо, эта проблема – болезнь ваших близких родствен-

ников.

– Я не говорила такого, – начала я защищаться.

– Но всё же, я догадался. А сегодня убедился в этом у вас дома. Поймите меня правильно, я должен был понять вас. Понять, что вы готовы биться. Готовы биться, до самого конца. Ведь так?

Я промолчала. Гадкие слезы потекли из глаз. Внутри меня разгорался вечный огонь, который никогда не угасал, с появлением первого рыжего волоска, сверху моей физиономии.

Дмитрий продолжил, мельком взглянув на меня:

– А сегодня и вы, кое-что увидели из моей жизни. Кое-что, что должно поспособствовать объединению наших сил в наших проблемах.

– Что у неё? – спросила я прямо.

– Рак легких.

– Стадия?

– Терминальная.

– Шансов нет.

Дмитрий потупил глаза. Я была очень резка, но в подобных делах, нужно называть вещи своими именами.

– Я должен хотя бы попробовать, – сказал он.

– Вы внимательно читали мой проект? Там только испытаний на пять лет по минимальному кругу.

– Тогда на что вы сами рассчитывали? Думаете, у вас больше времени?

– Я не знаю... У вас хотя бы диагноз есть. А у меня сначала

мама, а теперь ещё и брат по схожей симптоматике.

– И что? Вы не готовы бороться? Если мы не успеем, так может у вас получится!

– Думаете, я не готова за них глотки рвать?! – спросила я с вызовом.

– Ладно, давайте сбавим градус нашей беседы, Дарья. Вы ведь не дослушали. У меня есть предложение. Я пришёл к вам не за пустой болтовнёй. Готовы послушать?

Я кивнула.

– Мы предложим вашу разработку военно-медицинской академии. Елена назначила встречу с их представителями. Там должны заинтересоваться таким проектом, с помощью которого, любого человека можно излечить, путем моментальной диагностики, с последующим направленным импульсом в поврежденную область человеческого организма, для вызова процесса регенерации органов или участков тела, из искусственного резерва расширенного иммунитета. Там всегда мечтали о неуязвимых биороботах.

– Как-то страшно это всё. Военные? Да они же придурки!

– Дарья... Принесите завтра все свои документы, мы оформим вас задним числом в список наших сотрудников и поедем на встречу.

Дмитрий встал, чтобы уйти и добавил:

– И я вас очень прошу, будьте сдержаны. Это наш последний и единственный шанс быть с теми, кого любим.

Часть четвертая. «Важное заседание»

На следующий день, меня провели по красным коврам министерства обороны и посадили за длинный резной стол, в окружении усато-пузатых генералов, увешанных медалями и орденами с кучей золотых звезд на погонах.

Суровые дядьки в формах, переговаривались между собой гнусавыми голосами о самом важном из жизни офицеров: погоде, давлении и медных самоварах на своих дачах. Через некоторое время, во главе стола, появился самый суровый из суровых, и судя по количеству звезд на погонах и орденов на пузе – самый главный из главных. Все военные незамедлительно встали и вытянулись во весь рост, смешно вытянув свои трехэтажные подбородки в сторону хрустальных люстр на потолке. Кто-то ткнул меня под ребро, и я вскочила, пытаясь изобразить покорность со смирением на своём хамоватом лице, при этом вытянув руки по швам, словно дворовая собака перед своим хозяином, в ожидании вареной сосиски.

– Прошу садится, – сказал генерал.

Пока остальная часть генералитета усаживала свои тучные тела с диким грохотом стульев и металлическим лязганьем всех своих многочисленных наград, я тихонько спро-

сила Дмитрия:

– Вы же говорили, что мы сначала поедem в военно-медицинскую академию?

– Когда они поняли, что мы от них хотим, сразу собрали министерскую комиссию на заседании, в академии таких вопросов не решают, – шепнул мне Дмитрий в ответ.

– Господа офицеры, – монотонно заговорил главный генерал, – Сегодня я собрал вас для вынесения совместного решения, по вопросу новейшей разработки у наших коллег из научно-исследовательской медицинской лаборатории. Прошу внимательнейшим образом их выслушать, вам слово господ.

Пока я трясла ногой под столом от страха или это нога трясла меня, слово взял Дмитрий:

– Всем добрый день, я директор института Ковалёв Дмитрий Николаевич. Это мои коллеги, Смирнова Дарья Сергеевна и Тихонова Елена Константиновна. Не так давно, Дарья Сергеевна окончила медицинскую академию с красным дипломом и пришла к нам с готовым проектом, согласно расчетам которого, в научных кругах появилась возможность создать перспективную и прорывную разработку в области науки, не имеющую аналогов во всем мире.

От переживаний я начала краснеть и стала похожа на испанскую тряпку тореадора.

– Поясню, в чём заключается суть разработки без научной терминологии и прочей демагогии, – продолжил Дмит-

рий. – Речь идет о создании биологического вируса, на базе компьютерного искусственного интеллекта, посредством которого, человеческий организм получает возможность полной регенерации поврежденных участков тела или внутренних органов, за счет внедрения в него дежурного набора химических соединений, стимулирующих борьбу и излечение ото всех известных миру заболеваний, ран и даже тяжелых увечий. Мы предлагаем создать искусственный иммунитет для человека, с внешним диагностическим сканером, управляя которым, человек будет способен к самоисцелению и регулировке всех важных процессов в организме.

Генералы хмурили важные лбы, пытаясь прийти к общему пониманию сути, посредством усиленной мозговой активности, но за пустеющими военными глазами, внутри крепких черепных коробок силовиков высших военных ведомств, плюшевая обезьянка стучала в свои барабанные тарелочки, наигрывая незатейливые мелодии и наотрез отказываясь переводить заумные слова Дмитрия, в простую и доступную форму.

– Дмитрий, – обратился к нему главный генерал, – поясните, пожалуйста, в примерах, на что способна ваша разработка и чем она будет полезна военному ведомству, а то не совсем понятно.

– Если солдату в бою оторвет ногу, – заговорил другой генерал, – она что вырастет заново?

– Нет, не вырастет, – ответил Дмитрий. – Пока не выраст-

тет. Но он точно не умрет от кровотечения, и будет сохранять сознание, не чувствуя боли. Наш проект позволяет создать неуязвимых универсальных солдат нового поколения.

Генералы оживились и зашептались, главный генерал удивленно вскинул мохнатые брови и принялся что-то записывать. Я стучала ногой под столом от волнения и хлопала глазами.

Посыпались вопросы со всех сторон:

– У меня рак у жены, от рака спасает? – спросили в углу.

– Спасает. На любой стадии. Внутренние органы регенерируются, – ответил Дмитрий.

– И печень можно восстановить? – озабоченно спросили о чём-то своём, особо важном, с другой стороны.

– И печень.

– А вот если пуля в голову? – резонно спросил кто-то с краю.

– Искусственная кома, реанимация и купирование кровоизлияния до прибытия полевых хирургов.

– А в ногу? – добавил кто-то ещё.

– Будет бегать, даже не почувствует, – продолжал Дмитрий отбиваться от назойливых вопросов.

– Мне нужно глаз восстановить, у меня протез, вот глаз можно?

– Найдете донорский – сделаем вам глаз.

– А инсульт?

– Полностью контролируется самодиагностикой.

– Господа, господа, успокойтесь! Товарищи офицеры, я призываю вас к порядку! – нервно кричал главный генерал, пытаясь остановить шкурные вопросы, но его подчиненных уже было не остановить.

Посыпались более острые вопросы от старых дедов-марзаматиков, после которых я едва сдерживала смех:

– На потенцию влияет?!

– Срок жизни увеличивается?! На сколько?!

– Можно как-то жену омолодить?

– А ногу вместо протеза пришьют?

– Суставы омолаживает?!

– А если руки дряблые и спина, можно как-то накачать?!

– Волосы-то на голове вырастут?!

– Ответьте про потенцию!

Дмитрий успевал только головой из стороны в сторону мотать, генералы рвали и метали, перебивая друг друга, Елена тихо смеялась, закрыв лицо руками, а я грызла губу и молча тряслась, чтоб не прыснуть от раздражающего меня изнутри хохота.

Главный генерал стучал кулаком по столу изо всех сил. Возбужденные генералы неохотно успокоились и расселись по местам, с горящими от энтузиазма глазами.

– Дурачьё! Устроили тут птичий базар! – сказал в сердцах главный и, достав скомканный платочек из кармана мундира, вытер им пот со лба. – В общем, так, – продолжил он, – Завтра я, поеду с докладом к верховному главнокомандую-

щему, поеду и доложу сам!

Генерал гневно обвел глазами присутствующих подчиненных.

– Я уверен, что там вашим проектом так же заинтересуются. От вас мне потребуется полная денежная калькуляция, я должен знать, во сколько это всё обойдется государству и какие финансовые вложения предстоят. Так же важен срок выполнения, сколько это вообще, год, два, пятнадцать...

– Вот хотелось бы побыстрее, со сроками..., – послышалось тонкое замечание от генерала справа.

– Заткнись Самойлов! – не выдержал главный.

Самойлов стыдливо потупил глаза в пол и нервно застучал пальцами по столу.

– А теперь, – продолжил главный, – Я вас попрошу удалиться с заседания и оставить свои координаты для связи у секретаря на выходе, мне нужно поговорить с присутствующими коллегами тет-а-тет.

Не успели за нами закрыться двери, как я услышала отборный военный мат за своей спиной. Главный генерал принялся объяснять своим подчинённым на доступном для них языке, почему нельзя превращать важное заседание по вопросу новейших научных разработок в фарс и балаган, даже если на кону чья-то потенция или лысая голова.

Часть пятая. «Начало конца»

Свершилось – нам дали много денег. Очень много. Так много, что от количества нулей в графе «итога» рябило в глазах. Так же дали целую военную лабораторию с подчиненными, которая серьезно охранялась и зачем-то зарылась под землю на несколько этажей.

В общем, все в каноничном военном стиле: много порядка и мало толка. За каждым нашим шагом, словом и действием – теперь строго следили люди в погонах. Куча обязательных процедур, в виде заполнений ненужных журналов, бесполезных телефонных докладов, а также вечных учетов, надоедливых отчетов, неожиданных построений, сборов, эвакуационных тренировок с выносом имущества, где я должна была гордо нести перед собственной грудью свою личную именную тумбочку с двумя бирками и сургучной печатью. Я изнывала всякий раз, когда тащила весь этот милитаристский маразм вверх по лестнице на девять этажей, под суровым чеканным шагом мускулистых конвоиров.

«Военные ученые, все поте замоченные», – появилась у нас такая присказка.

Так и работали: одним глазом готовишь сырье и следишь за химической реакцией активных веществ, другим смотришь на красную лампочку сигнала тревоги расположенной над сверхсекретной тумбочкой, куда мы складывали всю те-

кущую документацию о проекте. Так же возле этой тумбочки было два биологических двухметровых шкафчика с автоматами наперевес, которые периодически сменяли друг друга и буравили суровыми взглядами из-под густых бровей дырки в стене, что напротив караульного поста.

Сначала мы хотели повесить им какой-нибудь журнальчик на гвоздик, чтобы ребятам нашлось хоть какое-то развлечение в обездвиженном молчании, но потом засомневались в их умении читать, а глянцевоы картинки с молодой Памелой Андерсон в купальнике, почему-то сразу запретили. Так и стоят наши гвардейцы, подпирая рельефными пятыми точками нашу тумбочку, словно кремлевскую стену. Постовая служба сложна тем, что в ней нужно уметь отключать мозг и всяческие потребности в жизнедеятельности, поэтому там служат особые солдаты, с принудительной кнопкой отключения функциональности, обратная активация которой происходит строго по сигналу тревоги.

Ну, а мы работали. Мне дали лучших специалистов: все по достоинству оценили серьезность и перспективы моего проекта. После смены нас развозили, и я приезжала глубокой ночью. Чесала за ушком спящего Мишку, который очень по мне скучал, пила чай с мамой, которая едва справлялась, пока была одна и уезжала вновь. Маме становилось все хуже и хуже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.